

РОЛЬ СУДА В УСТАНОВЛЕНИИ ИСТИНЫ: СОБРАТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА САМОМУ ИЛИ ВОЗВРАТИТЬ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ?

Рассматриваются положения действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего возможность возвращения судом уголовного дела для устранения препятствий для его рассмотрения в судебном заседании. Указывается, что нормы УПК РФ не позволяют судье возвратить уголовное дело, по которому расследование произведено некачественно, для производства предварительного расследования. С учетом того, что суд призван вынести обоснованное справедливое решение, предлагается предоставить суду право направлять уголовное дело прокурору в случае недостаточности для вынесения приговора доказательств, если в судебном заседании без несоразмерных затрат невозможно устранить нарушения, допущенные органом расследования, и восполнить пробелы в доказательствах нельзя.

Ключевые слова: уголовный процесс; судья; собирание доказательств; предварительное расследование.

В соответствии с ч. 4 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления установлена совокупностью исследованных судом доказательств.

Доказательства обвинения должны быть относимыми, допустимыми, а их совокупность – достаточной для несомненного вывода. Статьей 75 УПК РФ установлено, что доказательства, полученные с нарушением УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для установления любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Статья 17 УПК РФ устанавливает, что участники уголовного судопроизводства оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся доказательств, руководствуясь законом и совестью.

М.С. Строгович под оценкой доказательств понимал логический, мыслительный процесс определения роли собранных доказательств в установлении истины по делу [1. С. 303]. Л.Д. Кокорев и Л.П. Кузнецов под оценкой доказательств понимают информационный процесс, направленный на переработку и накопление информации [2. С. 223].

Юристу-практику достаточно очевидно, что не по каждому уголовному делу, в особенности в последнее время, в распоряжение суда предоставляется достаточная для однозначного вывода совокупность доброкачественных, допустимых доказательств. Что должен суд делать в данном случае? Если поставить вопрос по-другому, он будет выглядеть так: что в данном случае может сделать российский судья, руководствуясь нормами действующего уголовно-процессуального закона?

Известно, что Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР) давал на этот вопрос исчерпывающий ответ: согласно ст. 232 УПК РСФСР суд направлял дело прокурору для производства дополнительного расследования в целях устранения допущенных процессуальных нарушений и неполноты доказательств.

Полагаем, УПК РСФСР, в отличие от УПК РФ, удовлетворительно разрешал проблему недостаточно-

сти доказательств, необходимых для вынесения законного, обоснованного, справедливого судебного решения.

Вышеизложенная мысль может показаться крамольной, особенно для «кабинетного ученого», бывающего в суде и наблюдающего уголовное судопроизводство в действительности считанное количество раз. Вместе с тем представляется интересным привести ряд ситуаций, встречавшихся нам в изученных уголовных делах, а также примеров из собственной практики.

Так, Н. обвинялся по ч. 1 ст. 105 УК РФ и по ч. 2 ст. 167 УК РФ. Из материалов дела следовало, что Н., его приятель К. и индивидуальный предприниматель С. в гараже, приспособленном С. под СТО, в ночное время занимались распитием спиртных напитков. Ранее неоднократно судимый Н., демонстрируя свои, как он полагал, значимость и авторитет, из хулиганских побуждений трижды обливал дизельным топливом и поджигал зажигалкой находящегося в сильнейшей стадии опьянения С. К., используя одеяло, трижды сбивал пламя, когда же в четвертый раз он не смог справиться с огнем, то убежал из гаража, вызвав по телефону наряд МЧС. Время от звонка К. до прибытия наряда пожарных, обнаруживших после тушения пожара в гараже труп С., составило, согласно объективным данным, 1 минуту 53 секунды. В деле, расследованном следователем СК РФ в звании майора юстиции, имеющим стаж работы более 10 лет, практически не имелось доброкачественных доказательств. В частности, понятыми в ночное время при осмотре места происшествия выступили работники полиции, протоколы следственных действий не имели необходимых реквизитов, участникам судопроизводства не были разъяснены их права, обвиняемому и его защитнику не была предоставлена возможность постановки вопросов экспертам по всем назначенным по делу экспертным исследованиям, о производстве исследований защитник и обвиняемый узнали постфактум, после поступления следователю результатов экспертиз и т.д. Устранять пробелы, как это и принято, пришлось суду. В обвинительном приговоре суд констатировал, что в гараже никого, кроме подсудимого Н., свидетеля К. и погибшего С., не было, согласно объективным данным – сведениям автоматизированной системы МЧС, пожарный наряд прибыл по вызову менее чем за две минуты, а также признал

явно неправдоподобной версию Н., что после того, как К. вызвал пожарных и убежал, Н. потушил С., выпил с ним еще водки, помирился, переоделся, завел машину и уехал, поскольку труп С. был обнаружен в том же самом месте, где Н. и совершал его поджог. В дальнейшем дело несколько раз пересматривалось по жалобам Н. и в результате Н. по ч. 2 ст. 167 УК РФ был оправдан, а по ч. 1 ст. 105 УК РФ наказание ему было снижено с 12 до 8 лет лишения свободы.

Ж., обвинявшийся по ч. 2 ст. 167 УК РФ в уничтожении из хулиганских побуждений чужого имущества, категорически отрицал свою вину в уничтожении автомобиля инвалида Ф. В уголовном деле также практически не имелось доброкачественных, допустимых доказательств, протоколы допросов были составлены с грубейшими нарушениями и, вероятнее всего, Ж. был бы оправдан. Поскольку преступление было совершено рядом с городским парком, судьей были запрошены записи с установленных у входа в парк видеокамер, произведенные в интересующий суд период. Ж. после просмотра видеозаписей в суде признал свою вину, он и его защитник не стали обжаловать обвинительный приговор и оспаривать допустимость каких-либо доказательств.

Д., обвинявшийся по ч. 3 ст. 158 УК РФ, на стадии предварительного расследования признал свою вину и просил постановить в отношении него приговор в соответствии с положениями гл. 40 УПК РФ. При рассмотрении дела было установлено, что Д. преступления не совершал, в день преступления находился в камере для административно задержанных в другом городе, признательные же показания дал в связи с наступлением зимнего периода и желанием иметь кров и питание, хотя бы и в условиях исправительного учреждения. Прокурор от обвинения в суде отказался, уголовное дело было прекращено.

Г. был задержан работниками полиции рядом со своим гаражом, при досмотре его автомобиля были обнаружены наркотические вещества в крупном размере. На следующий день к следователю в сопровождении адвоката явилась сестра Г. и написала явку с повинной, указав, что наркотические средства принадлежат ей, а не ее брату Г., который ранее был осужден к условной мере наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ. Указанные сведения подтвердили также сам Г., его друзья, а также подруги его сестры. В отношении сестры Г. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 228 УК РФ и она впоследствии была осуждена судом так же, как ранее и ее брат Г., к наказанию в виде лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ.

Представляется, из приведенных примеров можно сделать достаточно много выводов о современном состоянии российского уголовного судопроизводства. Можно и вообще спросить, как соотносятся порочная практика и стройная логичная теория?

Ответ на последний вопрос достаточно прост: порочная практика и стройная теория зачастую имеют очень мало точек соприкосновения.

Рассмотрение уголовного дела по существу – важнейший, решающий этап уголовного судопроизводства, уголовный суд не только призван разрешать по существу уголовные дела, он еще и формирует право-

сознание граждан, обеспечивает стабильность в важнейшей сфере – в области уголовной юстиции.

В настоящее время УПК РФ не позволяет судье ни возвратить уголовное дело, по которому расследование произведено некачественно, прокурору ни заставить работать участников уголовного судопроизводства, поделенных создателями УПК на «равноправные стороны». Известно также, что и сам прокурор в 2009 г. был лишен законодателем большей части полномочий по надзору за органами расследования, что еще более снизило качество предварительного расследования и качество доказательственного материала.

В результате суд для разрешения вопроса о виновности или невиновности вынужден назначать экспертные исследования, производить дополнительные осмотры, «рекомендовать» прокурору и адвокату (в не процессуальном, естественно, порядке) представить суду того или иного свидетеля и т.д., собирая порой доказательства в большем, чем орган предварительного расследования, объеме, поскольку неполнота должны быть еще и «не восполнимой» в судебном заседании.

Обратимся теперь к позиции законодателя и Конституционного Суда РФ.

Как известно, в Постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород», ссылаясь на принцип состязательности судопроизводства и запрет возлагать на суд обвинительную функцию, Конституционный Суд РФ признал недопустимым направление судом по собственной инициативе уголовного дела на дополнительное расследование по п. 1, 3, 4 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР в случаях: 1) неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании; 2) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении; 3) наличия оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела.

В Постановлении от 08 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» Конституционный Суд вновь указал, что «положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации не исключают – по своему конституционно-правовому смыслу в их взаимосвязи – правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях существенных нарушений уголовно-

процессуального закона, не устранимых в судебном производстве, если возвращение дела прокурору не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия».

02 июля 2013 г. Конституционный Суд РФ принял Постановление № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда», где указал, что суд вправе возвращать на стадию предварительного расследования уголовное дело в случае, если требуется предъявление более тяжкого обвинения, а на стадии предварительного расследования допущены недостатки, связанные с неполным или искаженным установлением фактических обстоятельств дела или с ошибочной юридической оценкой. Данное Постановление неоднозначно было встречено правоведами, многие расценили его как дань реакции, отступление от принципа состязательности и идеалов справедливого правосудия, к примеру, С.В. Бурмагин указал, что Конституционный Суд РФ пытается «перевести недостатки следствия, связанные с неполным или искаженным установлением фактических обстоятельств дела или с ошибочной юридической оценкой собранных фактов, в разряд сугубо формально-процессуальных нарушений, препятствующих рассмотрению и разрешению дела, инициатива устранения которых может исходить от суда, однако эти хитроумные рассуждения не меняют сути: судуверяются полномочия по выдвижению, формированию и усилению обвинения, что является прерогативой обвинительной власти» [3. С. 892].

В русле Постановления Конституционного Суда РФ Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 269-ФЗ ч. 1 ст. 237 УПК РФ была дополнена п. 6, устанавливающим, что суд вправе вернуть уголовное дело прокурору и в случае, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния. Кроме того, этим же Законом в ст. 237 УПК РФ введена ч. 1.3, устанавливающая, что при возвращении уголовного дела прокурору по основаниям, предусмотренным п. 6 ч. 1 настоящей статьи, суд обязан указать обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния. Законодатель указал, что суд не вправе ука-

зывать статью Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого, о совершении общественно опасного деяния лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

Представляется, формулировки, использованные в настоящее время в ст. 237 УПК РФ, гораздо более способны натолкнуть на мысли о предвзятости и заинтересованности суда, а также о частичном осуществлении им обвинительной функции, чем просто указание в законе на то, что направление дела для производства дополнительного расследования связано с неполнотой предварительного расследования.

Полагаем, что противоречивая, непоследовательная позиция Конституционного Суда РФ по рассматриваемым вопросам связана с тем, что его акты, выносимые в 1999–2003 гг., не всегда верно и объективно отражали имевшиеся в уголовном судопроизводстве процессы. В настоящее время Суд не может «дезаурировать» свои же постановления и определения, снова и снова повторяя достаточное спорное и не в полной мере понятное выражение о том, что «направление дела на стадию предварительного расследования не должно быть связано с неполнотой расследования».

Отметим, что правоведами в основном также демонстрируют отрицательное отношение к понятию «восполнение неполноты расследования». Тот же С.В. Бурмагин эмоционально восклицает: «Спрашивается, о какой неполноте и каких доказательствах идет речь? Доказательствах невиновности обвиняемого или его меньшей, чем очерчено в формулировке обвинения, виновности? Но это не требуется доказывать – невиновность презюмируется. Следовательно, речь идет о неполноте обвинительных доказательств!» [3. С. 894]. Еще ранее И.Б. Михайловская указывала, что в такой ситуации, «когда обвинению не удалось обосновать свои требования, стремление суда к достижению материальной истины, то есть подлинной картины случившегося, означает принятие им на себя функции уголовного преследования и доделывание того, что не удалось сделать органам предварительного расследования и прокурору» [4. С. 116]. Н.Н. Апостолова полагает, что с изменением общественного строя и принятием Конституции РФ советские подходы к доказыванию обстоятельств преступления неприменимы. Ссылаясь на ст. 18 Конституции РФ о непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина, автор указывает: «Объективная истина была, есть и должна оставаться целью доказывания по уголовным делам. Однако правила и способы ее установления сейчас уже не могут быть буквально такими же, какими они были в советском уголовном процессе, поскольку они несовместимы с сущностью современного российского уголовного судопроизводства, равно как и с основами конституционного строя России» [5. С. 23].

Нам представляется, что подходы к доказыванию достаточно давно устоялись в уголовно-процессуальной теории, они развиваются независимо от идеологических воззрений и положений, в этой связи

достаточно спорно положение о неприменимости советского опыта.

Напомним также и о том, что и оправдательный приговор, как и его обвинительный «собрат», также не должен быть основан на предположениях. А.Ф. Кони указывал: «Сомнение служит в пользу подсудимого. Да, это счастливое и хорошее правило! Но, спрашивается, какое сомнение? Сомнение, которое возникает после оценки... доказательств. Если из оценки вытекает... такое сомнение, что оно не дает возможности заключить о виновности подсудимого, тогда это сомнение спасительно и должно влечь оправдание. Но если сомнение является только оттого, что не употреблено всех усилий ума и внимания, совести и воли, чтобы, сгруппировав все впечатления, вывести один общий вывод, тогда это сомнение фальшивое» [6. С. 84].

Представляется достаточно очевидным также и то, что общество тем более стабильно, чем более в нем достигаются задачи уголовной юстиции. А это как раз и предполагает наказание виновных, оправдание невиновных, защиту прав потерпевших, восстановление нарушенных прав и т.д. И чем качественнее расследуются и чем в дальнейшем правильнее разрешаются уголовные дела, тем стабильнее государство и общество. К сожалению, нормы современного УПК РФ не стимулируют органы предварительного расследования к надлежащему осуществлению своих обязанностей и не содержат действенных механизмов влияния на недобросовестно выполняющего свои обязанности следователя.

Возвращаясь к нашим примерам, полагаем, что направление на дополнительное расследование подобных уголовных дел насущно необходимо, пора заставить работать органы предварительного расследования. Выделить в чистом виде, а не в глубокой теории, «обвинительные» и «оправдательные» доказательства, до оценки всей совокупности доказательств, крайне затруднительно, одно и то же обстоятельство, в зависимости от его соотношения с другими, может как уличать, так и оправдывать подсудимого. При недостатке доказательств, при наличии недоброкачественных доказательств гораздо предпочтительнее не принимать спорное процессуальное решение, способное негативно повлиять на состояние правопорядка, как это происходит порой в настоящее время, а, основываясь на нормах действующего УПК РФ, настоятельно попросить орган расследования доделать свою работу.

Понятия «неполнота доказательств», как представляется, бояться не следует, как не следует и отказывать российским судьям в совестливости и порядочности. Задача суда состоит не в том, чтобы, как выражаются некоторые авторы, «подыграть» органам расследования, в угоду прокурору осудить невиновного и т.д., а в том, чтобы вынести справедливый и обоснованный приговор, что можно сделать лишь на основе исследования достаточной совокупности допустимых доказательств. Иерархичность и институциональность судебной системы, как представляется, позволят контролировать обоснованность постановлений о направлении уголовных дел для производства дополнительного расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 469 с.
2. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 2006. 272 с.
3. Бурмагин С.В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 885–895.
4. Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 111–118.
5. Апостолова Н.Н. Предварительное расследование и судебное следствие // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 21–24.
6. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А.Ф. Избранные труды и речи. Тула : Автограф, 2006. 550 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 ноября 2016 г.

THE ROLE OF THE COURT IN ESTABLISHING THE TRUTH: TO COLLECT EVIDENCE OR TO RETURN A CRIMINAL CASE FOR FURTHER INVESTIGATION?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 193–197.

DOI: 10.17223/15617793/413/30

Aleksey V. Piyuk, Megion City Court (Megion, Russian Federation). E-mail: avaleks2@yandex.ru, megion.hmao@sudrf.ru

Keywords: criminal procedure; preliminary investigation; evidence; criminal case transfer; further investigation; court.

The article explains that returning criminal cases for further investigation is needed. In accordance with Part. 4 Art. 302 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (RF CPC), the “guilty” verdict cannot be based on assumptions; it is delivered only if during the trial the defendant’s guilt in committing an offense is established by the evidence the court has examined. However, not every criminal case provides solid adequate evidence, sufficient for an unambiguous conclusion, to the court. The situation is complicated by the fact that the RF CPC, unlike the RSFSR Code of Criminal Procedure of 1960, allows the judge neither to return criminal cases that were poorly investigated to the prosecutor, nor to make criminal proceedings participants work. It is also known that in 2009 the legislator deprived prosecutors of most of their powers to supervise investigation bodies, which further reduced the quality of the preliminary investigation and the quality of the evidentiary material. As a result, to resolve the question of guilt or innocence, the court is forced to make expert studies, additional inspections, sometimes collecting more evidence than a preliminary investigation body, performing the function it does. Under such circumstances, it appears that returning criminal cases for further investigation is urgently needed, and it will not be a sign of prosecutorial bias. The author states that society and the state grow more stable when the tasks of criminal justice are solved. The tasks involve the punishment of the guilty, the justification of the innocent, the protection of the rights of victims, the restoration of violated rights, etc. It is extremely difficult to identify the “guilty” and

“exculpatory” evidence in its pure form rather than in theory before assessing the whole bulk of it; one fact, depending on its connection with other evidence, can both convict and acquit the defendant. In case of a lack of evidence or in the presence of low-quality evidence it is far more preferable to require an investigation body to finish its work according to the norms of the current RF CPC rather than to make a controversial procedural decision that can have a negative impact on the state of the rule of law, as it sometimes happens today. Russian judges’ conscience and decency should not be denied, and the court’s task is to deliver a fair and reasoned verdict that can be made only after examining sufficient adequate evidence. A hierarchical and institutional judicial system will allow to properly control the validity of decisions on returning criminal cases for further investigation.

REFERENCES

1. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [The course of the Soviet criminal trial]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
2. Kokorev, L.D. & Kuznetsov, N.P. (1995) *Ugovnyy protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal proceedings: evidence and proof]. Voronezh: Voronezh State University.
3. Burmagin, S.V. (2014) Razdelenie obvinitel'noy i sudebnoy vlastey v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: ot sudebnoy reformy 1864 g. do nashikh dney [Separation of prosecutorial and judicial powers in criminal trial of Russia: from the 1864 judicial reform to the present day]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 5. pp. 885–895.
4. Mikhaylovskaya, I.B. (2005) Sotsial'noe naznachenie ugovnoy yustitsii i tsel' ugovnogo protsessa [The social purpose of criminal justice and the purpose of the criminal trial]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 111–118.
5. Apostolova, N.N. (2014) Predvaritel'noe rassledovanie i sudebnoe sledstvie [Preliminary investigation and judicial investigation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 21–24.
6. Koni, A.F. (2006) Nравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) [The moral principle in criminal proceedings (General features of judicial ethics)]. In: Koni, A.F. (2006) *Izbrannye trudy i rechi* [Selected works and speeches]. Tula: Avtograf.

Received: 21 November 2016